

Ленинградцы,

КОРРЕСПОНДЕНТ «ВЕЧЁРКИ» ОТЫСКАЛ ТЕХ, КТО ПОДДЕРЖИВАЕТ СЕГОДНЯ ПАМЯТЬ О ПИОНЕРАХ-ГЕРОЯХ НАШЕГО ГОРОДА И ОБЛАСТИ

Нина КУКОВЕРОВА: Я — русская

Нина Кукуверова встретила войну под Ленинградом. В первый же месяц оккупации стала помогать партизанам. С родными была сослана на Псковщину, где вступила в партизанский отряд в качестве разведчицы. Казнена в конце 1943 года.

Местом памяти Нины долгие годы было село Шапки, что в Тосненском районе. Местные учителя и ученики с 50-х годов поддерживали связь с ее мамой Александрой Степановной, собирали информацию о жизни пионерки, принимали у себя школьников со всего Союза. В начале 2000-х шапкинскую школу закрыли. Классы перевели в соседнюю Нурму. О Нине Кукуверовой не забыли, но традиция бережного поддержания памяти героической юной ленинградки, к сожалению, прервалась.

«Вечёрка» побывала в Нурме, встретила с учителем истории и руководителем школьного музея Татьяной Антипенко. И выяснила: все, что осталось от полувекковой кропотливой работы шапкинских энтузиастов, — старый зеленый альбом, в котором собраны фотографии Нины, а также письма и воспоминания ее мамы.

— Это единственный документ, который у нас есть, — рассказала Татьяна Ивановна. — Да и он сохранился по сути совершенно случайно. Когда школу упразднили, многие вещи выбрасывали. И скорее всего выкинули бы и этот альбом. Но кто-то прихватил его, решил сохранить и перевез в Нурму. Но и тут он лежал в школьной подсобке несколько лет забытый, пока его случайно не обнаружили...

Информацию о Нине Кукуверовой сегодня, к сожалению, непросто найти. В Интернете выдаются дежурные крохи. Книжки, рассказывающие о подвигах детей войны, почти не переиздаются. Поэтому школьный альбом стал для нас, журналистов, в этом смысле настоящим ценным первоисточником.

В маленькую деревеньку Нечеперь — через лес от Шапок — Кукуверовы приезжали каждое лето, снимали дом, отдыхали от города.

В 41-м приехали тоже. Когда началась война, мать с детьми — 14-летней Ниной и двумя младшими — осталась в деревне (в Ленинград бежать еще не думали). Отца в это время забрали на фронт. Скоро он прислал письмо: «Ниночка, пока я стою около пушки и бью фашистов, ты помогай мамочке!» Дочь ответила: «Хочу помогать тебе бить фашистских гадов».

Хотелось бы, чтобы памятью об этой девочке оставался не только один потрепанный зеленый альбом с никому, наверное, уже не нужными фотографиями. Где неровным материнским почерком написано: «Немцы удивлялись — кто это мог передавать информацию партизанам, вызывали меня...». Или: «Тело Нины нашли в подвале с картошкой...». И другие подобные строчки, которые всегда так горько читать.

В августе гитлеровцы вошли в Ленинградскую область. 28-го числа взяли Шапки и Нечеперь. Остатки разбитых советских частей группами пробивались на восток. Тогда Нина приютила в доме первых раненых красноармейцев. Скоро появились и партизаны: «Девочка, русские в селе есть?» (Деревня была финская.) «Я русская!» — ответила она.

Стала помогать. Обходить округу. Примечать — где и какое скопление фашистов. Сообщать своим. По ее разведанным уже осенью было совершено несколько нападений на дислоцирующиеся немецкие отряды, которые готовились к переброске под Ленинград или возвращались оттуда на лечение.

Через год Кукуверовых, как и других местных жителей, отправили в лагерь в Гатчину. А оттуда вывезли под Великие Луки. Нина сразу же вышла на партизан. А потом ушла в отряд. Как и в Тосненском районе, принялась ходить по деревням — собирать информацию, расклеивать листовки. В конце 43-го участвовала в разгроме базы эсэсовцев в деревне Горы: проникла на территорию селения, изучила расположение карателей, сообщила сведения своим.

Погибла она в декабре того же 1943 года. Во время очередного рейда девочку выдал предатель. Нину подвергли жестокому истязаниям, потом казнили. В эти самые дни, в декабре, в соседней Витебской области в плен попала Зина Портнова. До освобождения Ленинграда — родины обеих девочек — оставался месяц...

Вот такая у нас получилась история, короткая, без особых подробностей. Хотя сказано многое. Хотелось бы только,

чтобы память не была короткая (многие ли в самом Петербурге помнят сегодня об этой девочке?). Чтобы не оставался от нее только один потрепанный зеленый альбом с никому, наверное, уже не нужными фотографиями. Где неровным материнским почерком написано: «Немцы удивлялись — кто это мог передавать информацию партизанам, вызывали меня...». Или: «Тело Нины нашли в подвале с картошкой...». И другие подобные строчки, которые всегда так горько читать. И сегодня — особенно.

КРОТОВ, КУПША, Если наш —

Еще три имени, которые когда-то знала вся страна: Маркс Кротов, Альберт Купша, Коля Рыжов. Жили в деревне Смёрдыня Тосненского района (совсем недалеко, в 30 км от Шапок, где оказалась в оккупации Нина Кукуверова). Совершили крупную диверсию. Были казнены. О героях-земляках местные жители сегодня не забывают. Место памяти пионеров — обелиск на месте расстрела и школа имени А. Н. Радищева города Любань.

Любань — центр окрестных деревень. И Смёрдыни тоже. Про погибших мальчишек здесь помнят еще со слов очевидцев.

— Маркс был родом из самой Смёрдыни, Альберт приехал с семьей из Латвии, про Колю ничего не известно, — рассказывает руководитель школьного музея заведующая библиотекой Марина Ефремова.

— Учились в одной школе, были друзьями. Когда началась война, им по 12 — 13 лет было. Первое время, как и все мальчишки, бегали по лесам, смот-

рели — что да как. Потом Маркс вышел на партизан...

Вот какие строки находим мы в воспоминаниях матери Маркса — Евдокии Павловны:

«Как-то над нашим селом воздушный бой начался. Все по домам спрятались. А Маркс с Колей и Альбертом исчезли. Наблюдал бой на окраине села. Когда один из самолетов загорелся — решили: «Если наш — надо спасать». Летчик оказался русским. Весь обгорел и был уже мертвым. Мальчики взяли документы и письмо к матери. Все это отнесли к партизанам, а те родным переслали. Летчика тайком похоронили. А потом часто наведывались на ту могилу».

Маркс Кротов.

Или: «В одну ночь, зимой, стучат в окно. Смотрю: стоят двое. — Свои, — говорят, — пустите. Посмотрела на детей — страшно стало. За укрытие красноармейцев — расстрел.

А Маркс, не задумываясь: «Надо пустить, это же наши»...

Поднялся, окна плотно притворил, чугунок затопил. Обогрелись бойцы.

Потом Маркс кружным путем вывел их из села».

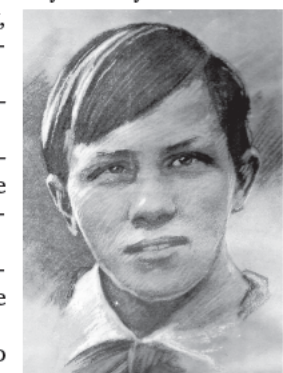
В конце декабря 41-го, по заданию партизан, ребята пробрались ночью на лыжах на аэродром в соседнем селе Бородулино и керосиновыми фонарями обозначили место дислокации немецких самолетов,

Потом Маркс кружным путем вывел их из села».

В конце декабря 41-го, по заданию партизан, ребята пробрались ночью на лыжах на аэродром в соседнем селе Бородулино и керосиновыми фонарями обозначили место дислокации немецких самолетов,

Потом Маркс кружным путем вывел их из села».

Из письма Павла Венкова, директора школы, где до 41-го года учились мальчишки: «Маркс Кротов окончил 5 классов, подлинник его свидетельства с оценками об окончании начальной школы хранится в Музее истории Ленинграда в Пионерском зале. Рыжов Николай по семейным обстоятельствам в 5-й класс не поступил, а пошел в подпаски — пасти колхозный скот. Купша Альберт учился на класс старше Кротова, был отличником по всем предметам».

Альберт Купша.

Нина Кукуверова с одноклассниками (в нижнем ряду вторая слева) в школе на Петроградской стороне.